

СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ СЕМАНТИКИ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Т.В. Липатова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Росси, 117198
lipatova60@hotmail.com

Статья посвящена вопросу формирования смыслов в сознании носителей языка под влиянием основной семантической функции единиц языка — раскрытие его внутренней формы. Автор ставит задачу рассмотреть отдельные детали процесса коммуникации в том ракурсе, в котором его исследует системная лингвистика.

Ключевые слова: внутренняя форма языка, минимальные единицы внешней формы языка, минимальные единицы внутренней формы языка, наименьшие значения.

Системная лингвистика* развивает идеи и понятия ее основоположников, В. фон Гумбольдта, И.И. Срезневского, А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртене, уточняя различия между языковыми уровнями, планами и стадиями. Системная лингвистика исходит из того, что формы сознания и механизмы мышления, то есть планы внеязыкового сознания, первичны по отношению к языку и к речевой деятельности, а язык является лишь частью внутренней психической среды, то есть «сознания вообще», включая подсознательную деятельность. Внутренняя психическая среда специализирована для социализации знаний, накапливаемых отдельными членами языкового коллектива. Социализация же протекает благодаря тому, что формируемые говорящим субъектом с помощью языка **знаки речевого потока**, образующие высказывание, только направляют мыслительный процесс в сознании слушающего по «определенному руслу». Слушающий же сам, своей логикой и творческим воображением должен сформировать в своем внеязыковом сознании такое новое знание, которое в определенной мере будет близко к коммуникативному замыслу говорящего.

Исходя из того, что главными единицами планов языкового сознания являются двусторонние знаковые формы — **морфемы** (по Бодуэну), т.е. **минимальные единицы внешней формы языка** и **минимальные единицы внутренней формы языка** (по Гумбольдту) или **наименьшие значения** (по Потебне), то есть абстрактные образы, через которые морфемы ассоциируются по **сходству** со смыслами, как единицами плана субстанции означаемых. Те из значений, которые способны ассоциироваться по сходству со своими смыслами, намекать на них **не-**

* В предыдущей статье, вышедшей в третьем номере журнала «Вестник» за 2015 г. [6], автор поместила таблицу «Планов выражения и планов содержания речевой деятельности», описав детально сущность единиц упомянутых планов, а также их взаимодействие в процессе коммуникации.

посредственно, являются **вещественными**, и тогда смыслы по отношению к вещественным значениям и к связанным с ними морфемам оказываются ближайшими [4. С. 20].

Основатель системной лингвистики проф. Г.П. Мельников, анализируя пути уточнения представлений Гумбольдта о природе языка А.А. Потебней и И.А. Бодуэном де Куртенэ, приходит к следующим заключениям:

— каждый элемент внутренней формы, ассоциированный по смежности со своим элементом внешней формы, имеет образную природу;

— любой такой элемент означенного и, следовательно, **конечно** в цепи ассоциации, внеязыкового содержания может, будучи образом, намекать на некоторые черты какого-либо последующего элемента внеязыкового содержания, становясь **предконечным** посредником по отношению к тому новому конечному;

— такая цепь намеков может быть и **многоступенчатой**, и **ветвящейся**;

— любой такой «удачный намек на подлежащий названию элемент можно сравнить с метким прозвищем этого содержания», особенно если оно получило «общенародное признание» и стало «воспроизводимым», что и позволило А.А. Потебне расценивать его как «продукт **поэтического** творчества»;

— когда же «мотив выбора» этого знака и «ощущение образных ассоциаций от внешней формы знака до конечного содержания ослабляется», то он становится «прозаическим продуктом речевой деятельности» [3].

Г. Штейнталь, последователь В. Гумбольдта, еще до А.А. Потебни заявлял:

— что «на определенном этапе развития языка народ — его творец теряет способность поэтического созидания и употребления языковых знаков, поэтому многоступенчатые цепи намеков могут быть реконструированы только лингвистами-этимологами»;

— «в зрелом» языке внутренняя форма представлена «лишь **предконечным** элементом», который в недавнем прошлом из намекаемого звена «перешел в число намекающих», так что «в наиболее типичных случаях внутренняя форма языковых знаков с течением времени существенно изменяется, ощущение... исторически более **ранних звеньев** внутренней формы угасает, их сменяют новые звенья, новые образы, сложившиеся лишь в недавние предшествующие эпохи» [4. С. 19].

А.А. Потебня представлял этот процесс иначе:

— «внутренняя форма может быть предельно уменьшена до того элемента, который непосредственно намекает на конечное выражаемое содержание»;

— иногда она совсем редуцируется, так что знак может быть употреблен и как **условный ярлык** этого конечного звена;

— но это редуцированное возбуждение отнюдь не есть следствие стирания в памяти носителей языка всех звеньев внутренней формы;

— все промежуточные звенья внутренней формы, например, речь мастеров слова, народно-поэтическая речь, образная речь, речь, связанная с «игрой словом» (в каламбурах и шутках), когда нужно, снова оживляются в языковом подсознании носителей языка, слово снова становится элементом **поэтического** творчества;

— если «ветвящаяся цепь намеков одного содержания на другое, представляющая внутреннюю форму знака, включает в себя много элементов, причем на про-

тяжении истории языка эта цепь может удлиняться и усложняться, то все равно звено внутренней формы, непосредственно, по смежности, ассоциированное с внешней, т.е. с образом знака, остается неизменным, **инвариантным** и продолжает быть **исходным мотивом** всех остальных звеньев намека и, следовательно, ключом для понимания внутренней формы всех промежуточных и конечных элементов внеязыкового мыслительного содержания, обозначаемых с помощью данного знака;

— речь, конечно же идет о том подсознательном понимании, которое называется **чувством родного языка** и обостряется лишь при необходимости «поэтического», максимального творческого использования потенциальных возможностей языковых знаков;

— этот особенный, самый первый, непосредственно ассоциированный по смежности с элементом внешней формы, элемент внутренней формы А.А. Потебня называл «**ближайшим** значением», или «этимологическим минимумом внутренней формы» [3], подчеркивая, что «лишь этот элемент является выразителем собственно **языкового** содержания, и следовательно, только ассоциация **по смежности** этого минимума внутренней формы с элементом внешней формы есть единица собственно **языковая**, тогда как произнесенный знак представляет единицу **речевого** потока, а все «дальнейшие» звенья языковой цепи, как их называл А.А. Потебня, звенья внутренней формы, хотя и выполняют ту же функцию намека, что и «ближайшие», относятся уже к внеязыковому мыслительному содержанию, как и **конечное** намекаемое звено, выразителем которого в конечном счете оказывается произнесенный речевой знак;

— идея В. Гумбольдта о существовании внутренней формы **знака** как основы для разграничения внеязыкового мыслительного содержания и собственно языкового получила в трудах А.А. Потебни уточнение: «внутренняя форма знака может содержать много звеньев, но собственно языковым является **лишь ближайшее**, наименьшее значение, тогда как остальные „дальнейшие“, только функционально близкие „ближайшему“, как намекающие на конечное звено», и они, как и само это конечное, относятся к сфере **внеязыкового** мыслительного содержания [4. С. 20].

Подобно А.А. Потебне, Г.П. Мельников называл «ближайшее значение» (или «этимологический минимум внутренней формы», «наименьшее значение») просто **значением**, а все **дальнейшие**, то есть элементы **внеязыкового** мыслительного содержания, — **смыслами**, цепь которых состоит из **конечного** смысла, как намекаемого элемента, и **промежуточных**, как намекающих. Среди промежуточных важно обозначить крайние звенья. Первое из них, то, на которое непосредственно намекает значение знака, называется **ближайшим** смыслом (по отношению к значению), а последнее, непосредственно намекающее на конечный смысл, то есть на смысл, подлежащий выражению с помощью языкового знака, **предконечным** смысловым звеном внутренней формы знака, употребленного для выражения данного **конечного** смысла [4. С. 20].

В некоторых употреблениях сам «ближайший» смысл может быть и конечным, то есть он имеет в качестве внутренней формы лишь одно звено — значение. А поскольку функция значения — намекать на смысл, понятно, что у любого зна-

чения может быть лишь один **узуальный** (общеизвестный) смысл, и — не один **окациональный** (мотивированный контекстом).

Отсюда вывод: собственно языковой единицей оказывается лишь ассоциация внешней формы с минимумом внутренней, то есть со значением. Последующие звенья, то есть смыслы, хотя и играют важную роль в общении с помощью языка, но принадлежат к сфере **внеязыкового** мыслительного содержания: **намекаемого**, то есть конечного, либо **намекающего**, то есть промежуточного.

Г.П. Мельников уделил большое внимание в созданном им учении — в системной лингвистике понятию **языкового знака, формантам** слов, а конкретнее бодуэновому понятию **морфемы** [4. С. 21], которая ассоциирована с минимумом внутренней формы, то есть со **значением**. Морфемы редко «своим значением самостоятельно намекают непосредственно на ближайший смысл». Чаще всего «целая последовательность, **блок морфем** и **блок их значений** (являясь «воспроизводимым») выступает в роли «коллективного намекателя» на тот или иной определенный ближайший или дальнейший смысл, после чего любой из «намекнутых» смыслов может стать **начальным** звеном в цепи дальнейших намекающих на замысленный конечный.

Намек на начальный смысл осуществляется так, что значение каждой из морфем блока намекает на характеристики определенного **компонента** начального смысла, как говорил И.А. Бодуэн де Куртенэ, «высвечивает» лишь один из участков этого смысла, а обо всем смысле, как о самостоятельной единице мыслительного внеязыкового содержания данного блока морфем, слушающий может **догадаться** лишь тогда, когда значения остальных морфем блока помогут «высветить» такое число других компонентов начального смысла, которое достаточно для того, чтобы слушающий мог догадаться о содержании и «невывеченных» участков этого смысла и, следовательно, о начальном смысле целиком. Один и тот же блок морфем, через посредство их значений, в состоянии выступать в качестве «коллективного намекателя» на несколько начальных смыслов, выбор определенного из которых требует учета, например, контекста, как дополнительного источника сведений.

Так, Г.П. Мельников считал, что «семантические системы различных языков отличаются не только на «поверхностном уровне» при тождестве единиц глубинного уровня. Своеобразие состава знаков и их значений, а также мотивы объединения выражаемых смыслов в определенные семантические поля и категории, — все это является следствием своеобразия потребностей каждого языка выражать наиболее простыми знаковыми средствами лишь **некоторые** типы содержания. При этом существование самых глубоких и устойчивых отличий в этих потребностях становится причиной возникновения четырех общеизвестных гумбольдтовых «морфологических классов» языков мира с их своеобразными и семантическими, и звуковыми, и грамматическими системами» [4. С. 21].

Обоснованием справедливости этого положения является анализ функциональной мотивированности особенностей семантики единиц языка как представителя определенного «морфологического класса». Опорой для решения этой задачи являются **общесемиотические** понятия **внешней** и **внутренней** формы отдельных знаков высказывания, их сочетаний и языковой системы в целом.

В системной лингвистике каноном внутренней формы языков флективного типа является представление **внешней формы** любого сообщения в **образе развивающегося события**. Поэтому «смысловые поля русских лексем, вещественные и грамматические значения морфем, синтаксические связи между словоформами предложения и т.п. — все это обусловлено потребностью дать слушающему возможность догадаться, образ какого развивающегося события имел в своем замысле говорящий» [4. С. 58].

Поскольку язык — это специализированный и социализированный психический механизм, или «языковое сознание», в его «внеязыковом» существовании формируется социализированная «картина мира» субъекта. Благодаря языку субъект создает, воспроизводит и опознает «высказывания», которые представляют собой последовательности минимальных материальных артикуляционно-акустических или графических знаков. Их психические образы в языковом сознании — **морфемы** («внешние формы» знаков), ассоциированы по смежности с такими же образными означаемыми, или «внутренними формами» артикулируемых знаков. Артикуляционно-акустические или графические материальные знаки высказываний имеют «следы» своих «внешних форм» в психических характеристиках соответствующих им морфем, чего не скажешь о значениях («внутренних формах»), которые никак не отражаются на «внешних формах», поскольку морфемы ассоциированы со значениями **по смежности**, а не по сходству. Эти внутренние формы знаков (значения) вступают в ассоциации по сходству с единицами внеязыкового мыслительного материала: с впечатлениями, обобщенными образами и абстрактными понятиями из внеязыковой картины мира в психике человека, по А.А. Потемне: «Эти единицы внеязыкового сознания, вступая в ассоциацию по сходству со значениями морфем знаков высказывания, становятся теми самыми «ближайшими» **смыслами** этих значений и, соответственно, их морфем и их артикуляционно-акустических и графических знаков, а знаки — означающими для „вещественных“ морфем и смыслов» [3]. Так говорящий, воздействуя знаками высказывания на слушающего, возбуждает в его языковом сознании соответствующие морфемы, то есть «внешние формы» этих знаков, а через возбуждение морфем возбуждает их значения, то есть «внутренние формы» употребленных знаков, а через ассоциации по сходству между значениями и компонентами внеязыковой картины мира слушающего возбуждает и ближайшие смыслы, то есть намекает с помощью знаков высказывания на эти смыслы. Но намеки эти могут быть не только непосредственными, «ближайшими», Смысл значения знака может быть и «дальнейшим», если он возбужден значением опосредованно, через ассоциацию с уже возбужденным ближайшим смыслом и с некоторыми **промежуточными смыслами**.

Благодаря этой системе **намеков** через ассоциации языковых и внеязыковых единиц психики говорящий, в процессе общения, направляет творческую мыслительную деятельность слушающего на разгадку своего **номинативного замысла** как того конечного **номинативного смысла** в этой цепи намеков, который он имел в виду, выбирая знаки для данного высказывания с целью возбуждения в сознании слушающего либо уже сложившегося образа, либо желая сформировать новый.

Говорящий также разными способами (интонационно, позиционно, через контекст) намекает слушающему и на то, какая часть высказывания является **коммуникативной темой**, а какая — **ремой**, то есть какая часть номинативного смысла задумана как **предиканд** коммуникативного суждения, а какая как **предикатор**. И вот в этом случае **высказывание** для слушающего становится **сообщением**.

Суждение представляет собой возбуждение двух психических образов, представляющих элементы знания в сознании субъекта, **предиканд**, который подвергается воздействию **предикатора** и в результате этого воздействия превращается в обновленное знание — в **предикат**. А сам вышеназванный процесс и есть процесс **предикации**. Предикация в системной лингвистике трактуется как **логическая** (во внеязыковом сознании без речевого воздействия) и как **речевая** (под воздействием речи говорящего).

Если под влиянием предикации в сознании слушающего в его языковую картину мира вносятся изменения, то этот ее вид называется **коммуникативной предикацией**, а если не вносятся — это вид **номинативной предикации**. Коммуникативная предикация есть результат целого ряда предшествующих номинативных предикаций. Все перечисленные характеристики предикации в системной лингвистике помогают лучше разобраться в механизме цепочной предикации, которую представляют как использование ремы предшествующего высказывания в качестве темы последующего, хотя фактически имеет место использование предиката как результата предшествующего воздействия предикатора на предиканд, в качестве предиканда последующей предикации, и, значит, в качестве смысла темы последующего высказывания [8].

В свете данного понимания процесса предикации можно уточнить различия между морфемами **вещественными** и **словообразовательными грамматическими**. Словообразовательные морфемы специализированы выполнять функцию предикатора по отношению к уже выраженному морфемой с вещественным значением, номинативному «производящему» смыслу как к номинативному предиканду. Знаки производящего смысла являются в высказывании номинативной темой, знак словообразовательной грамматической морфемы — номинативной ремой, а предикат, созданный взаимодействием ремы и темы, становится номинативным смыслом результирующего знака, возникшего после наращения производящей основы словообразовательным аффиксом.

Такой «производный» номинативный смысл может оказаться «производящим», то есть предикандом следующей номинативной предикации, если к слову будет добавлена еще одна словообразовательная морфема. Так в механизмах словообразования синтетических языков с их многоморфемными словоформами можно наблюдать одну из разновидностей цепочной предикации. Из вышесказанного следует, что каждый последующий словообразовательный аффикс словоформы, выступает в роли преобразователя номинативного смысла производящей основы по отношению к производному номинативному смыслу как к «дальнейшему» относительно того смысла, на который (по сходству) намекает морфема с вещественным значением. И если вещественное значение ассоциируется по сходству

с «ближайшими смыслами», то значение грамматических морфем указывает на **характер отношений между смыслами**.

Отличие **словообразовательных** грамматических морфем от **словоизменительных** заключается в том, что словообразовательное значение указывает на отношение **последующего смысла к предыдущему** в словообразовательной цепи, а словоизменительное значение указывает на **распределение ролей двух предшествующих смыслов** по отношению к возникновению **общего** для них **последующего**.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бодуэн де Куртене И.А.* (1963). Избранные труды по языкознанию [Selected Works on Linguistics]. М.: Изд-во АН СССР. Т. I. С. 103—107.
- [2] *Гумбольдт, В. фон.* (1984). Избранные труды по языкознанию [Selected Works on Linguistics]. Москва.
- [3] *Потебня А.А.* (1862). Мысль и язык [Thought and Language]. Москва.
- [4] *Мельников Г.П.* (2000). Системная типология языков. Синтез морфологической классификации языков со стадияльной Systemic Language Typology. Synthesis of morphological and stadial classifications]. М.: изд-во РУДН.
- [5] *Мельников Г.П.* (2003). Системная типология языков. Принципы, методы, модели [Systemic Language Typology. Principles, methods, models]. М.: изд-во Наука.
- [6] *Липатова Т.В.* О приоритетах системной лингвистики // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». № 3. М.: Изд-во РУДН, 2015. С. 17—25.
- [7] *Липатова Т.В.* (2015). К вопросу о планах языковой деятельности [Topic of language activity planes] // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». № 1. М.: Изд-во РУДН. С. 32—37.
- [8] *Липатова Т.В.* (2011). К вопросу о разграничении предикативных процессов и этапов номинативной предикации в системной лингвистике [On the delimitation of predicative processes and stages of nominative predication in systemic linguistics] // Сборник материалов Второй Международной научно-методической конференции «Русский язык в полицентричном мире, проблемы и перспективы». М.: Изд-во МГИМО. С. 240—257.

THE FORMATION OF MEANING AND FUNCTIONAL MOTIVATION OF LANGUAGE UNITS' SEMANTICS

T.V. Lipatova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198
lipatova60@hotmail.com

The article appeals to the formation of mental doubles of pronounced and written units reflected in psyche. This formation is governed by “the inner form of a language as a whole”, according to W. von Humboldt.

Key words: language as a whole, the inner form, the outer form, minimal language units, minimal meaning.